

Из-за боли, вызванной периодом повышенной воспричивости, сознание Чи Ли заволгло туманом, и лишь когда его схватила холодная и сильная рука, он наполовину пришел в себя.

Эта прохлада спасла его от невыносимых мук.

Стоило Сы Цзиньяню положить руку на спину Чи Ли, собираясь приподнять его, как Чи Ли, раскаленный донельзя, словно маленький очаг, всем мягким телом прильнул к нему.

Чи Ли невольно тянулся к этому источнику комфорта, жаждая получить еще больше.

Его руки судорожно шарили вокруг, как у тонущего человека, который в отчаянии цепляется за плавучую корягу, а с губ срывалось бессвязное бормотание. Сы Цзиньянь наклонился ближе, но все слова тонули в невнятном шепоте.

Лишь когда Сы Цзиньянь крепче обнял Чи Ли, тот немного успокоился.

Брови Сы Цзиньяня были тяжело сдвинуты. Когда он только увидел эту картину, давно забытая ярость вперемешку с тревогой ударила ему в голову.

Омега в период повышенной воспричивости, рядом нет ни подавителя, ни альфы, и при этом Чи Ли никому ничего не сказал! Если бы он сам не вернулся и дворецкий тоже ничего не заметил, неужели Чи Ли собирался перетерпеть всё вот так, в одиночку?!

Любому было известно, что попытка перебороть период повышенной воспричивости напролом может нанести непоправимый вред железе и всему организму в целом.

Этот период не начинается внезапно, у него всегда есть предвестники. Сы Цзиньянь вспомнил, каким вялым и апатичным выглядел Чи Ли последние пару дней...

И при этом он умудрился промолчать!

Успокоившись лишь на мгновение, феромоны Чи Ли вновь закружились вокруг Сы Цзиньяня, словно капризный ребенок, выпрашивающий у него еще больше утешения.

Сы Цзиньянь приблизился к железе Чи Ли и выпустил в ответ мощную волну своих феромонов. Увидев Чи Ли в таком состоянии, Сы Цзиньянь снова потерял дар речи, и большая часть его гнева испарилась, не успев толком оформиться в мыслях.

Целых несколько часов Сы Цзиньянь помогал Чи Ли пережить первую волну периода повышенной восприимчивости. Всё это время Чи Ли непрерывно бормотал что-то себе под нос: то жаловался, как ему плохо, то просил еще, то жалобно хныкал от боли и приказывал всем убираться вон.

Сы Цзиньянь терпеливо выслушивал каждую жалобу и исполнял каждое требование, нежно целуя Чи Ли в лоб. Когда тот в очередной раз обругал его и велел катиться, Сы Цзиньянь едва заметно вздохнул и пробормотал:

— Маленький вредина.

Спустя несколько часов температура Чи Ли наконец спала, и, свернувшись калачиком в объятиях Сы Цзиньяня, он стал намного спокойнее.

Получив указания от Сы Цзиньяня, дворецкий принес питательный раствор, оставил его у двери и, тихонько постучав, спросил:

— Господин, господину Чи лучше?

Глядя на мирно спящего в его руках Чи Ли, Сы Цзиньянь почувствовал, как его недавняя тревога постепенно утихает вместе с дыханием юноши:

— Ему лучше. Юань Жу, позови Лу Цзю, пусть он осматрит Чи Ли.

Дворецкий ответил из-за двери:

— Слушаюсь.

Когда Сы Цзиньянь снес дверь ударом, Юань Жу тоже находился рядом. Будучи бетой, не обладающей особой чувствительностью к феромонам, он тем не менее отчетливо ощутил, насколько густым был воздух в комнате. Столь нестабильный период повышенной восприимчивости он прежде наблюдал только у самого Маршала, поэтому Юань Жу невольно заволновался за Чи Ли.

Убедившись, что состояние Чи Ли стабилизировалось, Сы Цзиньянь внимательно всмотрелся в его лицо. Его голос слегка понизился, и он с мягким упреком обратился к спящему юноше:

— Ты совсем с ума сошел? Зачем пошел на такой риск? Возможно, услышав, как кто-то его ругает, ресницы Чи Ли беспокойно затрепетали, а затем задвигались и зрачки.

Прошло полминуты, прежде чем Чи Ли медленно открыл глаза.

Едва он это сделал, как прямо перед ним оказалось крупным планом лицо Сы Цзиньяня — их носы почти соприкасались.

К тому же в этот момент он сам обвился вокруг Сы Цзиньяня в неразрывной позе, словно осьминог.

В следующее мгновение Чи Ли почувствовал в воздухе два переплетенных феромона: его разум на мгновение опустел, и лишь затем к нему вернулось сознание.

Завтракая, он внезапно почувствовал себя нехорошо и вернулся в комнату. Однако тело становилось все более горячим, а в конечностях не было ни капли сил. Такое состояние было

ненормальным, и остатки разума заставили Чи Ли свернуться калачиком под одеялом, пытаясь этим инстинктивным способом скрыть секрет, таящийся в его сердце.

Вспомнив что-то, Чи Ли широко раскрыл глаза, разжал руки, обнимавшие Сы Цзиньяня, и поднял руку, чтобы потрогать собственную заднюю шею — железа там уже распухла до неузнаваемости.

Сердце Чи Ли бешено заколотилось:

— Ты...

— Что я? — возможно, будучи недовольным тем, что, едва проснувшись, Чи Ли отпрянул от него, как от дикого зверя, нахмурившись, спросил Сы Цзиньянь.

Глядя на выражение лица Сы Цзиньяня, Чи Ли успокоился: Сы Цзиньянь еще ничего не понял.

Он уже отступил к самому краю кровати и сейчас мысленно с облегчением выдохнул, но не успел он перевести дух, как Сы Цзиньянь рывком притянул его обратно.

Нахмурившись, Сы Цзиньянь прижал Чи Ли к себе:

— Период повышенной восприимчивости еще не прошел, чего ты бунтуешь?

Сразу за словами Сы Цзиньяня та волна жара поднялась с новой силой, и дыхание Чи Ли стало еще более частым.

Обнаружив, что в присутствии Сы Цзиньяня и в самом деле намного легче, Чи Ли снова сам собой испуганно прижался к его груди.

— Все еще хотел перетерпеть в одиночку? Опять дуешься на меня? — тон Сы Цзиньяня слегка потяжелел, в нем прозвучали нотки выговора.

Сы Цзиньянь имел в виду историю с их браком по расчету.

Случайность заставила Сы Цзиньяня заблуждаться, и Чи Ли позволил ему и дальше пребывать в этом заблуждении. Он ничего не сказал, зато тело само услужливо придвинулось ближе к Сы Цзиньяню.

Сы Цзиньянь, казалось, остался вполне доволен, и когда он заговорил снова, его голос стал гораздо мягче:

— Я велю Лу Цзю прийти и осмотреть тебя, твой период повышенной восприимчивости протекает ненормально.

При этих словах брови Сы Цзиньяня слегка сошлись на переносице: хотя Чи Ли был омегой, период повышенной восприимчивости разразился у него яростно и внезапно, словно это был мощный прорыв после долгого и жестокого сдерживания.

Услышав это, сердце Чи Ли отчаянно забилося: даже он сам не мог с уверенностью сказать, есть ли в таком состоянии какая-то проблема, а вдруг Лу Цзю что-то обнаружит?

Вспоминая прошлое, Чи Ли тоже находил это странным: когда препарат для модификации в омегу тестировали, исследователи предвидели подобную реакцию, однако во время его собственных испытаний ничего подобного нынешнему внезапному приступу не происходило.

Чи Ли не хотел видиться с Лу Цзю, но слова Сы Цзиньяня не оставляли ему возможности отказаться.

У Чи Ли не было выбора, оставалось лишь действовать по обстоятельствам, стараясь стабилизировать свое состояние до прихода Лу Цзю.

К тому моменту, когда Лу Цзю прибыл, Чи Ли уже снова заснул от усталости. Лу Цзю осмотрел Чи Ли и прошёл вместе с Сы Цзиньянем в кабинет, специально оборудованный для медицинских осмотров Маршала.

— Как он? — спросил Сы Цзиньянь.

Лу Цзю выглядел озадаченным:

— Столь тяжёлая степень периода повышенной восприимчивости встречается крайне редко. Не принимал ли он в последнее время какие-нибудь лекарства-подавители или не делал ли инъекции?

Помолчав немного, Сы Цзиньянь вспомнил, что подобных препаратов дома не было, а для покупок в интернете требовалась дополнительная карта, привязанная к его собственному счёту, после чего ответил:

— Вряд ли.

Лу Цзю произнёс:

— И впрямь необычно. Возможно, на него повлияло твоё присутствие. Помимо того, что период повышенной восприимчивости начался довольно бурно, никаких иных проблем я не выявил. Просто проводи с ним побольше времени.

Услышав это, Сы Цзиньянь наконец с облегчением выдохнул.

Тогда Лу Цзю сменил тему:

— А вот ты... Твой период повышенной восприимчивости только что закончился, почему ты мне не сообщил?

Зная, что от Сы Цзиньяня ничего не добьешься — тот никогда не докладывал ему о подобных вещах и предупреждал лишь тогда, когда ситуация выходила из-под контроля, вынуждая делать укол, — Лу Цзю тяжело вздохнул:

— Ладно уж, раз я пришёл, давай заодно осматрю и тебя.

Все необходимые медицинские приборы находились прямо в комнате — Лу Цзю в своё время настоял на том, чтобы перевезти их сюда, дабы иметь возможность ловить Сы Цзиньяня дома и проводить осмотры.

Когда результаты анализов были готовы, Лу Цзю даже слегка удивился: показатели стабильности феромонов Сы Цзиньяня оказались намного лучше, чем он предполагал. Похоже, тот омега, которого держат рядом с ним, действительно приносит пользу.

— На этот раз показатели отличные, — констатировал Лу Цзю.

Сы Цзиньянь ничуть не удивился.

— Омега по имени Чи Ли сыграл в этом ключевую роль, — добавил Лу Цзю.

Тогда Сы Цзиньянь кивнул:

— Да.

Лу Цзю еще несколько раз перечитал данные и с восхищением произнёс:

— Если оставишь его при себе, это пойдет тебе на огромную пользу.

Услышав это, Сы Цзиньянь едва заметно нахмурился.

После осмотра Лу Цзю вовсе не собирался уходить.

— Что-то случилось? — спросил Сы Цзиньянь.

— Угу, — Лу Цзю аккуратно сложил медицинские карты, уселся на стоявший рядом стул и только после этого заговорил: — Ты дал согласие на брак по расчету?

Сы Цзиньянь коротко хмыкнул, не придавая этому особого значения.

Лу Цзю вздохнул:

— После того как ты свяжешь себя узами брака, Император непременно потребует, чтобы ты обзавёлся потомством. Ты думал об этом?

В комнате на мгновение воцарилась тишина.

Не дождавшись ответа от Сы Цзиньяня, Лу Цзю продолжил:

— Если у тебя появится ребёнок, он унаследует идеальный сплав человеческой крови и крови Русалки. Ты должен понимать лучше других, через что ему придётся пройти.

Русалки во многих аспектах намного превосходили людей. В глазах алчных людей они были идеальными машинами для зарабатывания денег и безжалостного уничтожения — что уж говорить о нынешнем императоре, который открыто выставляет свою жадность и жажду власти напоказ?

Высказав всё это, Лу Цзю почувствовал, как груз, давивший на плечи, немного отпустил, хотя по своему положению он вовсе не должен был говорить подобное.

Будучи соучастником этого проекта, он собственными глазами видел, через какие бесчеловечные и мучительные эксперименты прошёл Сы Цзиньянь. Если в будущем на свет появится новая Русалка, Лу Цзю, подчиняясь приказу, продолжит исполнять свои обязанности.

Однако зарождавшееся в сердце Лу Цзю чувство привязанности к Сы Цзиньяню крепло, и с позиции друга он не хотел бы, чтобы тот и дальше продолжал терпеть эту боль.

Лишь спустя долгое время Сы Цзиньянь произнёс:

— Я не дам им такого шанса.

Лицо его оставалось спокойным, но крепко сжатый правый кулак выдавал бушевавшую внутри ярость.

Тогда Лу Цзю поднялся с места и принялся собирать вещи:

— Раз понимаешь, то хорошо. А остальное... я и сам не знаю, что тебе сказать.

Помедлив немного, он добавил:

— И ещё: раз Чи Ли способен тебе помогать, постарайся, если это возможно, держать его возле себя.

Период повышенной восприимчивости у Чи Ли длился почти полмесяца.

Лишь когда бурная фаза, требовавшая постоянного введения феромонов Сы Цзиньяня, наконец миновала, Чи Ли смог самостоятельно встать на ноги, хотя временами его состояние всё ещё оставалось нестабильным, и тогда ему по-прежнему требовалось подпитываться феромонами Сы Цзиньяня.

Переживая за Чи Ли, Сы Цзиньянь взял его с собой в здание федерального правительства.

Благодаря этому у Чи Ли появилась ещё одна возможность поближе познакомиться с местной обстановкой.

Гэн Цзи как раз направлялся с докладом, когда заметил совершенно неожиданного гостя:

— Ого, редкий гость!

Чи Ли, только что получивший порцию феромонов Сы Цзиньяня, сидел на диване, закутавшись в куртку Маршала, с увядшим и бледным видом. Услышав голос Гэн Цзи, он лишь лениво приподнял веки и вяло поздоровался.

Сы Цзиньянь нахмурился:

— Ему нездоровится, не лезь к нему.

При этих словах брови Гэн Цзи удивленно взлетели вверх.

За последнее время подчиненные, теснее прочих общавшиеся с Сы Цзиньянем, уже успели пройти путь от первоначального шока до полного привыкания к присутствию Чи Ли, начав относиться к нему со всё большим уважением (за исключением Гэн Цзи).

В тот день, когда Сы Цзиньянь закончил работу, он заметил, как Чи Ли просматривает статью о знаменитых имперских архитектурных сооружениях, и спросил:

— Хочешь куда-нибудь сходить развеяться?

Чи Ли на мгновение замер, после чего кивнул, расплывшись в улыбке и превратив глаза в полумесяцы:

— С удовольствием.

Тогда Сы Цзиньянь отпустил водителя домой, а сам сел за штурвал личного летательного аппарата и повёз Чи Ли кататься по всей Империи.

Они побывали в крупнейшем имперском торговом и развлекательном центре, осмотрели самые древние строения Империи...

Ближе к вечеру, проходя мимо парка, оба случайно стали свидетелями того, как пара влюбленных признаётся друг другу в любви.

В парке толпилось множество людей, вокруг стоял шум и гам. В момент, когда предложение было принято, раздались оглушающие крики радости, в ночном небе парящие дроны проецировали яркие красочные картины, а камеры фиксировали происходящее.

Шумная обстановка привлекла и Чи Ли, который невольно замедлил шаги, заворуженно глядя по сторонам.

Сы Цзиньянь, в руке у которого была сахарная вата в форме кита, заметив, что Чи Ли сбавил ход, тоже остановился.

Стояла зима, оба закутались в шарфы, закрывавшие половину лица. Сы Цзиньянь редко выбирался куда-либо в свет и на этот раз не стал утруждать себя маскировкой.

Однако на следующий день заголовки новостей по всей Империи взорвала шокирующая сенсация: Имперский Маршал, которому вскоре предстояло вступить в брак с принцессой, был пойман на тайном свидании с любовником в парке!

Чи Ли, только что закончив завтрак и листая новостную ленту на Оптическом компьютере, наткнулся на эту публикацию и от неожиданности широко распахнул глаза.

<http://bllate.org/book/22114/2302046>